

Представляя рубрику

«Орудийные залпы Октябрьской революции принесли в Китай марксизм-ленинизм» — эта ранее хорошо известная, а нынче подзабытая и в России, и в Китае цитата из статьи Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа», опубликованной летом 1949 г. незадолго до провозглашения Китайской Народной Республики, могла бы стать эпиграфом к данной рубрике. И образование Коммунистической партии Китая, случившееся 100 лет тому назад, и заключение российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, 20-летие которого мы отмечаем неделей раньше юбилея КПК, — события, самым прямым образом связанные с Россией.

Объективно говоря, марксизм проник в Китай несколько раньше, и не из России, а через Японию. Однако именно Октябрьская революция, а также первые шаги советской власти на международной арене, в частности провозглашение принципа дружбы и братства русского и китайского народов и суверенности Китая¹, оказали сильнейшее влияние на радикально настроенную интеллигенцию этой отсталой и раздираемой внутренними противоречиями страны. Но большевики предприняли и конкретные действия для распространения в ней идей марксизма. По решению Дальбюро РКП(б) в апреле 1920 г. из Владивостока в Китай была направлена группа Г.Н. Войтинского (настоящая фамилия — Зархин) для установления контактов с китайской прогрессивной интеллигенцией и создания коммунистических ячеек². Связующим звеном в данной ситуации стали представители русской профессуры, проживавшие в Китае и разделявшие идеи марксизма. О большинстве из этих самоотверженных людей, искренне горевших желанием помочь Китаю, известно очень мало. Так что представленная в рубрике статья А.А. Хисамудинова и Лян Ин о профессоре сначала Нанькайского (г. Тяньцзинь), а с 1921 г. Пекинского университета С.А. Полевом, через которого группа Войтинского установила контакты с руководителем марксистского общества в Пекине профессором Ли Дачжао, удачно закрывает одну из лакун в истории распространения марксизма в Китае и российско-китайских отношений.

Однако рубрика всё же посвящена Китаю, поэтому открывают её три статьи китайских авторов. Они представляют Министерство иностранных дел и два очень важных научных института из системы Академии общественных наук КНР — всеобщей истории и пограничных проблем. Поскольку 100-летие

---

¹ См.: Карахан Л.М. Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая // Советско-китайские отношения (1917—1957): сб. документов. М.: Восточная литература, 1959. С. 43—46.

² Подробнее см.: Сотникова И.Н. Предыстория Первого съезда Коммунистической партии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 139—154.

Коммунистической партии Китая и 20-летие российско-китайского договора — это два важных для КНР события не только с точки зрения истории, но и в идеологическом отношении, есть смысл и необходимость посмотреть на них глазами самих китайцев. В условиях, когда усиливается идеологическое, экономическое и политическое давление на Китай извне, предпринимаются попытки расшатать его политическую систему, спровоцировать социальные и национальные конфликты, руководство страны пытается усилить те скрепы, которые объединяют китайское общество. Одной из таких скреп является китаизированный марксизм — продукт теоретической и практической деятельности китайских коммунистов на протяжении вековой истории партии. И он предстаёт перед читателями журнала в том виде, в каком сегодня сформирован и укрепился в Китае.

Думаю, нет необходимости рассказывать о значении 100-летнего юбилея КПК и для Китая, и для всего человечества. Один тот факт, что сегодня её численность составляет более 90 млн чел., что она успешно руководит огромной страной, приведя её от нищеты к подлинному процветанию, заставляет с уважением относиться и к её идеям, и к её лидерам, и к её действиям. Да и сама история КПК может стать сюжетом не для одного захватывающего триллера.

Однако китайские авторы представленных в рубрике статей закономерно излагают эту историю в духе современных партийных канонов. Их статьи одновременно и разные, и очень похожие по стилю и манере изложения. Этот стиль непривычен для молодого российского читателя, но хорошо знаком старшему поколению. Он точно отражает все нюансы современной

Участники Первого съезда КПК. Музей Первого съезда КПК, г. Шанхай.
Фото автора

идеологии КПК, в том числе формирующей отношение к другим странам. Лейтмотив всех трёх статей один: только китаизированный марксизм, возникший в результате творческой деятельности китайских коммунистов, порвавших с советским догматизмом и опиравшихся на практику китайской революции, позволил Китаю добиться нынешних успехов. А в этой версии роль СССР и ВКП(б)/КПСС предстаёт скорее со знаком «минус», чем «плюс»: китайские коммунисты были вынуждены бороться с догматизмом, который навязывали им Третий интернационал и ВКП(б), слепым копированием советского опыта социалистического строительства и т.д. В результате оказывается, что СССР не с нуля спроектировал и построил в Китае 156 крупнейших промышленных объектов, а лишь «оказал поддержку в их проектировании», испытание первой китайской атомной бомбы «сломило... ядерный шантаж сверхдержав», а основной пафос статьи о восприятии Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином советского опыта строительства социализма заключается в том, что, признавая значение этого опыта, тщательно анализируя идеи и мысли классиков марксизма-ленинизма, в том числе И.В. Сталина, оба китайских лидера основные усилия прилагали к тому, чтобы освободиться из-под их влияния.

В то же время статья Син Гуанчэна демонстрирует, насколько сложным был процесс формирования собственной идеологии КПК, которая рождалась в пылу жарких дискуссий как внутри самой партии, так и с советскими «наставниками». Многочисленные цитаты из Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, приводимые автором, отражают характер и накал данной полемики. При этом стоит отметить, что главным аргументом в споре всегда оставалась практика китайской революции и строительства в Китае нового общества.

Нужно сказать, что такой прагматизм в восприятии чужого опыта и отказ от навязывания кому-либо своего вызывают уважение и требуют внимательного изучения. Сразу напрашиваются аналогии со слепым заимствованием российскими либералами идей американской демократии и рыночной экономики. Легко сравнить, что получилось в результате у Китая и у России. Обращает на себя внимание и столь же прагматичное отношение китайской стороны к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, о важности которого рассуждает Генеральный консул КНР в г. Владивостоке Янь Вэньбинь. Договор был подписан 16 июля 2001 г. в Москве, фиксировал отсутствие взаимных территориальных претензий и содержал в себе такие принципиальные договорённости, как невмешательство во внутренние дела друг друга, неприменение в своих взаимоотношениях силы или угрозы силой, неиспользование друг против друга экономических и иных способов давления, неучастие в каких-либо союзах или блоках, отказ от каких-либо действий, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны и др.³ Такая политическая составляющая договора фактически развязала

³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://www.russia.org.cn/wp-content/uploads/2016/07/2001-07-Dogovor-o-dobrososedstve-rus.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).

Пекину руки, позволила ему, без оглядки на тылы и чувствуя моральную поддержку со стороны Москвы, вступить в идеологическую схватку с «американским гегемонизмом», предложив собственную повестку мироустройства, обеспечения международной безопасности и экономической глобализации.

В контексте этих принципиальных моментов довольно любопытным является взгляд китайского академического сообщества на место и роль российско-китайского приграничного сотрудничества в структуре «стратегического партнёрства» России и КНР, представленный в статье А.И. Лабюк. Как констатирует автор, несмотря на очень скромные результаты и серьёзные проблемы, мешающие превращению такого сотрудничества в одну из принципиальных основ современных российско-китайских отношений, китайские учёные в большинстве своём смотрят на ситуацию очень прагматично и оптимистично.

Возвращаясь к 100-летию юбилею КПК, обратим внимание на ещё одну статью рубрики — И.В. Ставрова, — где эта история предстаёт через призму трансформации официальных взглядов китайских коммунистов на национальный вопрос и национальную политику в стране. В этой политике были и использование «советской модели», и «левацкие социальные эксперименты», но в конечном итоге руководство КПК вернулось к практике 1950-х гг. — национальной автономии в рамках федеративного государства с установкой на постепенное разрешение национальных проблем. При всей критике со стороны Запада эта модель работает, и достаточно эффективно.

Наконец, статья Е.О. Заклязьминской и В.А. Сычёва напрямую не связана с юбилеем китайской компартии, если, конечно, вынести успехи Китая в ядерной энергетике «за скобки» деятельности КПК. Последнее, по понятным причинам, принципиально невозможно. Начиная с 2000 г. в КНР активно строятся атомные электростанции, создаются собственные, и качественные, технологии, что позволяет Пекину продвигать их на внешних рынках. Авторы отмечают, что в экспорте «чувствительных технологий» Китай отводит ведущую роль не столько экономической выгоде, сколько собственным геополитическим интересам, при этом прогнозируют более острую конкурентную борьбу китайских и американских компаний на мировом рынке ядерных технологий.

Конечно, данная рубрика подготовлена не только для того, чтобы парадно отреагировать на две памятные даты в истории современного Китая и российско-китайских отношений. Через призму многовековой истории Китая вековой юбилей какого-то события может представляться незначительным эпизодом. Но за эти 100 лет страна изменилась кардинально, и партия, обеспечившая эти изменения, заглядывает далеко за горизонт. И России, наверное, пора подумать о том, как использовать китайские идеи и китайский опыт: без догматизма и учитывая собственную специфику.

В.Л. Ларин,
главный редактор журнала
«Россия и АТР», академик РАН